

**Известия Таврической
ученой архивной комиссии**

Книга 55

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
ИЗЗ

ИЗЗ Известия Таврической ученой архивной комиссии: Книга 55 / – М.: Книга по Требованию, 2015. – 401 с.

ISBN 978-5-517-93208-2

Таврическая Учёная Архивная Комиссия регулярно публиковала сборник трудов «Известия Таврической Учёной Архивной Комиссии» (ИТУАК). Всего, с 1887 по 1920 годы, было выпущено 57 томов этого издания, в которых было опубликовано более 400 научных статей, исторических документов, археологических находок. Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1918 года

ISBN 978-5-517-93208-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Каламита и Θεodoro.

Археологическія разслѣдованія и раскопки въ Крыму ведутся уже очень давно, съ послѣдовательностью и полнотой къ сожалѣнію, все это касалось почти исключительно древне-греческихъ поселеній на крайнемъ востокѣ (Керчь, Тамань) и на западѣ (Херсонесъ), а большое пространство средняго, горнаго Крыма, наполненное городищами и развалинами разныхъ временъ и народовъ, было обойдено, можетъ быть потому, что находилось внѣ обычныхъ и удобныхъ путей сообщенія. Нѣсколько словъ старыхъ, случайныхъ, какъ-бы мимо-летнихъ путешественниковъ (Палласъ, Кларкъ, Муравьевъ, Дюбуа), немногія страницы Кеппена, почти исключительно историческаго смысла—вотъ и все, что мы знаемъ о древностяхъ этого обширнаго, но забытаго края. Помнила о немъ только рука времени: многое обрушилось, стиралось, исчезало; помогали и люди, портя и истребляя, но, къ счастью, мѣнѣе, чѣмъ думается, благодаря пустынности и малонаселенности этихъ мѣстъ

Ни въ какую пору не владѣлъ я ни правомъ, ни средствами для раскопокъ, но уже очень давно чувствовалъ необходимость заняться хотя бы доступными мнѣ подробными археолого историческими описаніями остатковъ древностей сѣвернаго, горнаго Крыма. Небольшое свободное время, лѣтъ около тридцати тому назадъ, я употреблялъ на съемки и чертежи, положивъ на нихъ не мало труда, въ мѣру моихъ силъ и средствъ, собирая и пополняя данныя для изданій.

Однако, одинъ въ полѣ не воинъ, и лишь для ближайшей къ моему старому мѣстожителству древней крѣпости—Каламитъ-Инкерману нашлась у меня возможность сдѣлать довольно подробнее описаніе¹⁾, да и оно было издано такъ неудовлетворительно, во всѣхъ отношеніяхъ, къ тому-же переполнено опечатками, что отбило у меня всякую охоту продолжать начатое. Мнѣ казалось, что время еще терпитъ, и что, по глухости мѣстъ, все сохранится въ нихъ въ цѣлости, а со

¹⁾ Остатки древнихъ орудій. Зап. Ол. Общ. Ист. и Ар., т. XIV, 1886 г.

временем найдутся силы, объявятся умѣлые люди, и разслѣдованія будутъ исполнены научно Съ той поры прошло много лѣтъ: я самъ уже не въ силахъ бывать на мѣстахъ, но слышалъ, что и дѣйствительно нашлись раскопщики. Θεodoro, древняя столица Готи, особенно много общавшая, сильнѣйшая крѣпость горнаго Крыма, попала въ частныя руки и нынѣ предана безпризорному разоренію въ археологическомъ смыслѣ. Теперь я понимаю, что сдѣлалъ менѣе, чѣмъ могъ-бы; каюсь въ томъ и умоляю могущихъ воспѣшить разслѣдованіями и не попустить такой-же судьбѣ обрушиться на остальные мѣста горнаго Крыма Собранные мною обмѣры записи, снимки использовать я не въ состояніи; на это у меня нѣтъ ни силъ, ни мѣста, ни средствъ, особенно потому, что требуются значительныя пополненія въ снимкахъ, для чего надобны недоступныя моимъ силамъ поѣздки; однако, кое-что само собою вспомнилось при объясненіяхъ въ моей послѣдней статьѣ¹⁾, а чтобы соблюсти хотя нѣкоторую полноту въ описаніяхъ, замѣтки этого рода собраны здѣсь къ одному мѣсту; вѣдь все это тоже изъ числа недоумѣнныхъ вопросовъ того же средне-вѣковья. Ничего, однако, здѣсь нѣтъ законченнаго и цѣльнаго, это лишь дополнительныя подробности и поясненія къ уже сказанному. Всѣ они относятся къ наиболѣе примѣтнымъ двумъ древнимъ крѣпостямъ — Инкерману (Каламитѣ) и Мангупъ-Кале (Θеodoro). Рисунки даются частью изъ моихъ старыхъ записей и собраній, а частью по новымъ снимкамъ, хранящимся въ Таврической Уч. Арх. Коммиссіи, которыми я обязанъ предсѣдателю ея А. И. Маркевичу; прошу его принять мою глубочайшую благодарность. Безъ рисунковъ почти невозможно объяснить раскопокъ и многихъ археологическихъ вопросовъ, особенно касающихся архитектурныхъ стилей.

Большую извѣстностью пользуется надпись о построеніи въ 1427 году храма и крѣпости Алексѣемъ, владѣтелемъ Θεodoro, обычно приурочивавшаяся къ Инкерману²⁾. Однако, такое мнѣніе отвергается высокимъ авторитетомъ В. В. Латышева, и потому въ виду крупнаго значенія надписи, а въ ней на первомъ мѣстѣ ея приуроченія, представлю свои соображенія въ болѣе подробномъ видѣ, чѣмъ это дѣлалось ранѣе³⁾. Рѣшительное значеніе имѣло бы точное знаніе мѣста нахожденія этой надписи, и хотя

¹⁾ Исслѣдованіе нѣкоторыхъ недоумѣнныхъ вопросовъ средне-вѣковья въ Тавриді. Зап. Од. Общ. Ист. и Др., т XXXII.

²⁾ Поздѣйшее изданіе: Латышевъ, Обзоръ греч. христ. надпис., № 45.

³⁾ Ост. древн. сооруж., Зап. Од. Общ., XIV, 191.

дно намъ извѣстно, но нѣсколько заподозрено. Кеппенъ, какъ въ Крымскомъ Сборникѣ, такъ и въ своихъ болѣе раннихъ черновыхъ запискахъ¹⁾ думаетъ, что она найдена въ Инкерманѣ, и къ этому своему мнѣнію прибавляетъ: „Помнится мнѣ, что Стемпковский .. также полагае (въ 1822 году), что эта надпись должна быть вывезена изъ Инкермана“ Вотъ это выраженіе, въ которомъ чувствуется какъ-бы возможность нѣкоторой забывчивости словъ Стемпковского, и дало поводъ отвергать показанія столь достовѣрнаго источника, какъ слова Кеппена; не трудно, однако, усмотрѣть, что и здѣсь все вѣроятіе за то, что ему память не измѣнила. Въ его время эта надпись находилась въ саду имѣнія Саблы, близъ Симферополя, принадлежавшемъ впервые Мордвиновой, потомъ таврическому губернатору (съ 1807 по 1816) А. М. Бороздину, продавшему имѣніе гр Завидовскому въ 1823 году²⁾; во время Кеппена имъ владѣла графиня Лаваль (послѣ нея, и, понынѣ, Е. С. Давыдова, урожденная гр. Трубецкая). Судя по намекамъ Кеппена, понятнымъ крымскимъ и крымскимъ старожиламъ, надпись завезена въ Саблы при посредствѣ Де-Серра, химика, выписаннаго Бороздинымъ изъ Парижа для своихъ фабрикъ и съ нимъ не поладившаго. Такъ какъ надпись впервые издана (Сумароковымъ³⁾), и Кеппенъ свое мнѣніе о переходѣ надписи не утверждаетъ положительно, то возможно, что она попала въ Саблы ранѣе Бороздина, еще во времена владѣлицы имѣнія, жены адмирала Мордвинова, столь много значившаго въ Севастополь и вообще въ Крыму; ей это имѣніе досталось по отводу отъ казны въ 1787 году, ея же оно было еще и въ 1802 году; Бороздинъ купилъ у нея имѣніе позднѣе, не знаю точно, въ которомъ году. Въ эту самую пору, съ 1803 года, Стемпковский, какъ адъютантъ генераль-губернатора Ришелье, которому Крымъ былъ подчиненъ съ 15 марта 1805 г., могъ и долженъ былъ знать это дѣло въ точности, интересуясь археологіей, часто бывая въ Симферополь и тамъ вращаясь въ кругу всѣхъ этихъ властей и владѣльцевъ надписи. Ничто не побуждало его, а тѣмъ болѣе Кеппена, выдумать приуроченіе или скрыть настоящее мѣсто нахождения надписи, и слѣдовательно бы ихъ показаніе считать исчерпывающимъ, но въ виду возбужденныхъ сомнѣній приходится обратиться къ надписи, сделавъ выводы изъ ея существа.

¹⁾ Климентъ, Кр. Сборн., 94, 95, 216, 285, прилѣч. 187, 818, 821; Мариничъ, Кр. Сборн. Имп. Тавр. Уч. Арх. Ком., и. 51, 283.

²⁾ Писаревскій, Опис. сенат. дѣлъ, Таврич. Уч. Арх. Комисс., 811, № 488.

³⁾ Ост. архив. сбор., Изв. Общ. ХИ, 190, прилѣч.

Въ самой надписи нѣтъ даже и намекъ на мѣсто, гдѣ она была поставлена; ни названіе крѣпости, ни воимя храма, о построеніи которыхъ гласитъ надпись, въ ней не упомянуты; перечислены лишь титулы строителя, сказано, что все это сооружено во дни владѣтеля города Феодоро и поморья и ктитора храма Константина и Елены. Разумѣется, упоминаніе въ титулѣ владѣтеля города Феодоро никоимъ образомъ не даетъ намъ права думать, что въ надписи говорится о построеніи самого Феодоро, — мало-ли гдѣ и что могъ строить его владѣтель. Его владѣнія, что мы знаемъ положительно, не ограничивались однимъ городомъ, а простирались на значительную часть юго-западнаго Крыма. Напр., отъ того-же 1427 г. известна другая надпись¹⁾ о возобновленіи храма митрополитомъ города Феодоро (Даміаномъ) и всей Готіи; и на ея основѣ полагали искать Феодоро въ мѣстѣ находки надписи, т. е. въ деревнѣ Партенитѣ, однако, это соображеніе было тогда же опровергнуто, совершенно основательно, по смыслу самаго дѣла, даже и помимо твердаго уже въ ту пору знанія нахождения Феодоро совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ²⁾. То же надобно думать и с названіемъ храма, указаннаго въ концѣ титула Алексѣя первой надписи, гдѣ упоминаніе ктиторства должно понимать только, какъ титулъ съ именемъ неопредѣленнаго по мѣсту нахождения храма. Въ самомъ началѣ этой надписи уже говорится о построеніи *„хрима сею“*, послѣ чего и слѣдовало бы указать его во имя; повторятъ то же въ концѣ, къ тому же безъ указанія, что рѣчь идетъ объ упомянутомъ уже храмѣ, не было никакого повода, стало быть опредѣленіе ктиторства дано здѣсь не въ простомъ смыслѣ строителя *„сею“* храма надписи. Съ другой стороны, построеніемъ новаго, никому невѣдомаго храма удлинить титулъ владѣтеля—способъ слишкомъ упрощенный и невѣроятный, особенно если вспомнить жалкую малость и бѣдность церковей того времени въ Крыму; слѣдовательно, и по этимъ соображеніямъ титулъ ктитора приходится понимать не какъ строителя храма надписи, а какъ владѣтеля, хранителя какой либо иной, стародавней, всему краю известной и всѣми почитаемой святыни; да она и названа не простоимъ во имя храма, а со всяческими громкозвучными прилагательными, какъ то и свойственно вообще титульнымъ прозваніямъ: *„во дни владѣтели города (Феодоро и поморья и ктитора (собственника) святихъ славныхъ богоугодныхъ,*

¹⁾ Лексикъ, стр. с., № 70.

²⁾ Лексикъ, стр. с., стр. 50.

*великихъ царей и равноимостольныхъ Константина и Елены.*¹⁾ Съ нѣкоторымъ основаніемъ возможно думать, что такой древній храмъ былъ въ самомъ Феодоро, столицѣ владѣній Алексѣя, о чемъ скажу еще далѣе. Остается прибавить, что во имя всѣхъ храмовъ Инкермана въ точности извѣстно, и между ними нѣтъ Константина и Елены²⁾. Вѣрны или нѣтъ эти объясненія, все же упоминаніе этого храма въ титулѣ владѣтеля страны столь же мало даетъ намъ права относить самую надпись именно къ мѣсту храма, какъ и упоминаніе Феодоро приурочивать ее къ самому Феодоро.

Соображенія о внутреннемъ смыслѣ надписи вызывали нѣкоторую осторожность въ ея приуроченіи, а потому, не имѣя какихъ-либо иныхъ указаній, Кеппенъ, только съ большою условностью, счелъ возможнымъ видѣть Феодоро въ Инкерманѣ, по мѣсту находки надписи³⁾. Съ такимъ мнѣніемъ соглашался тогда же и Дюбуа, но сдѣлалъ замѣчаніе о томъ, что по смыслу текста надписи она не могла быть поставлена въ Феодоро⁴⁾ Дюбуа не пояснилъ подробно свое соображеніе и не далъ необходимыхъ изъ него выводовъ, почему оно осталось позади мнѣ настолько, что когда многими изслѣдованіями было доказано съ несомнѣнною точностью, что Феодоро есть Мангупъ-кале, а въ Инкерманѣ была Каламита⁵⁾, то надпись 1127 года, безъ признака какого либо доказательства, стали относить къ Мангупу-Феодоро, помимо указаній Кеппена и Дюбуа. Считаю замѣчаніе, сдѣланное Дюбуа, вѣрнымъ, позволю себѣ напомнить его подробнѣе и нѣсколько развить, сообразно сдѣланныхъ на него возраженій. Сущность этого замѣчанія состоитъ въ томъ, что въ надписи, по ея краткому смыслу, говорится: „*построилъ сію крѣпость владыкецъ Феодоро*“,

¹⁾ Вѣрнѣе сказать, что, какъ мнѣ кажется, дѣяло означало въ качествѣ титула вступая въ эту надпись выходящаго и въ бумажнаго смысле параклиси самой надписи: въ ней вышесъ χτ(στ)ορ — т. е. (по словарямъ) ездѣтвы, собственникъ, хозяинъ, possessor; было бы χτ(στ)ορ—если бы хотѣли указать основателя, строителя храма.

²⁾ Объ этомъ подробно въ От. Дрени. Стор., Зап. Сх. Общ. XIV, 214, 216, 220, 274. На картѣ Валурии, 1773 г. (Гиза, Департ. Морск. Мин.), гдѣ Искерманъ показанъ весьма подробно, въ немъ и въ санжарскомъ шествіи ялована и отъѣчныхъ партияхъ: св. Георгия, св. Григорія (изъ чего же впрочемъ видно изъ карты написано: св. Георгия, но ни того, ни другого изъ святыхъ не сл. и надо читать св. Григорія, произносившемъ вримскими Гречески—Горграфъ, что видно чертѣжники обрѣтали въ Геострафіи), Вознесенія Господни, св. Давидъ, св. Софій. Видъ оубъ указываетъ и на мѣстѣхъ.

³⁾ Кеппенъ, Ар. Сборн. 233, 235, 239.

⁴⁾ Dubois, Voyage, VI, 258.

⁵⁾ Большая часть доказательствъ, сопоставлено достоверныхъ, приводимъ въ „От. Дрени. Сторуж, Зап. Сх. Общ. XIV, 1-1 185; что подробно „Литышевъ, ор. с., 49—50; повторить ихъ излишно, но мнѣ можно бы и еще много прибавить.

а при такомъ оборотѣ рѣчи нельзя думать, чтобы „*сѣя крѣпость*“ была само Θεодоро. Напр., едва ли было бы возможно найти въ какой бы то ни было надписи, что „*В. Кн. Московскій построилъ Москву*“; очевидно, что въ подходящемъ случаѣ были бы употреблены инныя выраженія и что Москва, конечно, была ранѣ титула. Точно такъ же нѣтъ сомнѣнiя и въ томъ, что городъ Θεодоро существовалъ и имѣлъ крѣпость много ранѣ 1427 года. Это мы знаемъ уже и для VIII вѣка; въ началѣ его, во время бѣгства въ Θεодоро Юстинiана II, и въ концѣ этого вѣка, при св. Иоаннѣ Готскомъ, овладѣвшемъ этой рѣпостью, но не смогшемъ ее удержать. Какъ ни мало изслѣдованъ Θεодоро-Мангупъ, все же въ немъ извѣстны надписи, бывшiя на его стѣнахъ и указывающiя время постройки частой крѣпости въ XIII и XIV вѣкахъ¹⁾. Въ поясненiе и отрицанiе послѣдняго соображенiя, основаннаго на давнемъ бытiи крѣпости въ Θεодоро, В. В. Латышевъ указалъ, что въ надписи 1427 года говорится о крѣпости, *которая нынѣ зрится*“, что ранѣ она могла быть въ „*тѣмъ видѣ*“, слѣдовательно, въ надписи обозначили не построение, а перестройку крѣпости; подобное положенiе вещей обозначено и для храма въ Партенитѣ. Такое толкованiе не было упущено мною изъ вида, но вѣдь это только одна изъ возможностей, а было ли нѣчто подобное въ дѣйствительности, надобно доказать, что едва ли исполнимо, такъ какъ въ Партенитѣ, гдѣ храмъ дѣйствительно былъ перестроенъ, что оказалось и при его раскопкахъ, такъ и сказано въ самой надписи — „*возобновленъ, кака нынѣ зрится*“, тогда какъ въ надписи Алексѣя говорится — „*построенъ храмъ съ крѣпостью, которая нынѣ зрится*“; значитъ крѣпость построена вновь, а такъ какъ и исторически мы знаемъ именно о постройкѣ новой крѣпости около этого времени въ Каламитѣ-Инкерманѣ, а ранѣ о существованiи тамъ крѣпости ничего не извѣстно, то замѣчанiе Дюбуа сохраняетъ свою силу, а надпись Алексѣя 1427 года ни до чего бывшаго въ Θεодоро не относится, стало быть не могла тамъ быть и найдена. Понятно, почему такая большая, цѣлая и видная надпись въ этомъ мѣстѣ никѣмъ и не указывалась, напр. Палласомъ и Кларкомъ, и даже, практически говоря, для меня совершенно невѣроятно, чтобы такая грузная плита могла получиться въ началѣ прошлаго вѣка изъ такого дикаго мѣста,

1) Латышевъ, Изв. въ археол. вѣстникѣ, Зап. От. Общ. XX, 164, № 49; Его же, Общ. археол. вѣстникъ, издаванiи, № 40, 17 в стр. 53. Есть еще издавно издававшiя, 1868 г., немцадинъ, изданныя въ восточной части Θεодоро, вѣстникой Палика; можетъ быть это порождено стѣна въ окрест. Тѣбана дере (ранѣе далге).

какъ Мангулъ, стѣящій внѣ какихъ-либо поселеній и путей. И такъ, всѣми соображеніями отвергается не только нахожденіе надписи Алексѣя 1427 года въ Теодоро-Мангулъ, но даже и самая возможность этого. Такое приуроченіе до сихъ поръ высказывалось въ видѣ догадки, и хотя не мнѣ, отрицающему, предлежало отыскивать тому доказательства, но я объ этомъ старался всесторонне, хотя и безуспѣшно: эти розыски не привели къ Теодоро.

Совсѣмъ иначе стоитъ дѣло относительно Инкерманъ. Доказано, что въ средніе вѣка онъ назывался Каламитой, — имя известное по компаснымъ картамъ съ начала XIV вѣка, и только Турки дали ему свое названіе — Инкерманъ (пещерная крѣпость). Вначалѣ это вѣроятно, было малое мѣстечко, и нѣкоторое развитіе оно получило лишь послѣ паденія Херсонеса. Болѣе замѣтное значеніе оно приобрѣло послѣ захвата Генуэзцами, въ концѣ XIV вѣка, всего побережья отъ Балаклавы до Кафы. Ихъ торговая эксплуатація вынудила владѣтеля Теодоро обратиться къ ближайшему, ими не занятому, приморскому порту — Каламитѣ, несмотря на ся крайне вредныя условія — болотистую мѣстность, а по ней и высокую, малярійную лихорадочность. Для защиты этого порта отъ сосѣдней (двѣнадцать верстъ) враждебной Балаклавы пришлось построить крѣпость, что и сдѣлалъ Алексѣй въ 1427 г., тутъ же величая себя владѣтелемъ приморья въ угрозу Генуэзцамъ, думавшимъ захватомъ всего южнаго побережья Крыма отрѣзать владѣнія Теодоро отъ моря. Отсюда Алексѣй овладѣлъ, въ 1433 году, и самой Балаклавой, вѣроятно нечаяннымъ нападеніемъ, но не смогъ тамъ удержаться, и въ слѣдующемъ году его выжили Генуэзцы, собравъ для того большія силы. Они не только отобрали Балаклаву, но тутъ же скоро, на одинъ день, захватили покинутую жителями сосѣднюю Каламиту и сожгли ее¹⁾, разумѣется, по сколько можно сжечь каменные стѣны крѣпости и долбленные въ скалѣ церкви и помѣщенія; все это безъ сомнѣнія сейчасъ-же вновь было занято Алексѣемъ (будетъ указано далѣе). Въ томъ, что владѣтели Теодоро устроили въ Каламитѣ портъ и, направляя туда торговлю, соперничали съ Генуэзцами, говорятъ не только надпись Алексѣя и только что указанный захватъ крѣпости, но и сами генуэзскіе источники много разъ²⁾.

¹⁾ Колам, Хиджа-Глюй, Изв. Таврич. Уч. Арх. Ком., № 50, 117, 119. Очевидно отличный документъ Гатари, въ сожженію, по полнотѣ, перепутанный и въ числахъ, и въ топографіи, но вѣрный въ сущности, о пожарѣ Генуэзцевъ въ 1434 г. на Балаклаву и Сокхатъ.

²⁾ Yigna, Codice dipl., I, 111, 361, 366, 784; II, 122, 105.

Построенныя Алексѣемъ стѣны Каламиты-Инкермана въ большей части цѣлы и до сихъ поръ; всѣ онѣ одностильны и способомъ построения совершенно подобны стѣнамъ основного замка въ Феодоро-Мангултъ; никакого признака перестройки въ ихъ греческой части не примѣтно. Надписей на нихъ также нѣтъ, и не видно, гдѣ онѣ могли бы быть, но это, вѣроятно, потому, что греческія стѣны закрыты пристроенными впереди, для утолщенія, турецкими, что подробно выяснено въ другомъ мѣстѣ¹⁾; существованіе надписей, однако, удостовѣряетъ тотъ же Броневскій²⁾. Турецкія стѣны построены послѣ Броневскаго, но онѣ не вездѣ закрыли первоначальныя. При занятіи Крыма въ 1771 году майоръ, въ ту пору Брянскаго полка. Штралдманъ, видѣлъ, что: „предъ входомъ въ монастырь высѣчена въ камнѣ, надъ большими фронтальными воротами, греческая надпись, означающая слѣдующее: 200 лѣтъ тому назадъ казанскіе татары раззорили этотъ монастырь и перебили всѣхъ монаховъ“³⁾. Разумѣется, по смыслу и времени такая нелѣпая надпись невѣроятна, но существованіе ея надъ воротами можно считать несомнѣнный. Гдѣ же она была вдѣлана? Въ рѣшеніи этого помогаютъ планы и виды Инкермана первыхъ лѣтъ русскаго владычества (1773—1783)⁴⁾; ихъ нѣсколько, и на всѣхъ показана, въ планахъ и фасадахъ, совершенно цѣлая, большая, отдѣльно стоящая отъ крѣпости, саженьяхъ въ семидесяти, передовая, одиночная башня, въ которой, въ прорубѣ скалы и въ воротахъ сквозь башню, проходила дорога въ крѣпость. Та же дорога служить и до сихъ поръ, другой нѣтъ, но отъ башни сохранился лишь слѣдъ ея фундаментовъ⁵⁾. Почему сломали эту башню, не знаю; но, вѣроятно, она стала разрушаться. Съ нея падали камни, а такъ какъ подъ нею проходила единственная дорога не только въ покинутую крѣпость, но и на большое поле пахатной земли передъ крѣпостью, то башня показалась опасной. Гдѣ-то здѣсь быль построенъ къ приѣзду Екатерины особый временный обѣ-

¹⁾ Ост. крепн. сооруж., Зап. Од. Общ. Ист. и Др. XIV. 180 и далѣе.

²⁾ Broniovii Tartar. descr. Col. Agr., 5.

³⁾ Штралдманъ, Записки, Русская Стар., 1884. VII, 88.

⁴⁾ „Карта Ахтырской гавани... соч. в. штурманомъ ранга прапорщика Ив. Ватуринымъ въ 1773 году“, выходящая въ Гидрогр. Департ. Морск. Мин.; въ Уч. Арх. Главн. Штаба, отд. X, 722, имѣется повтореніе той же карты но работа чище; въ томъ же Архивѣ, отд. X, 1034, „Планъ древн. гор. Херсонъ... до Янкоривна“, 1775 года; въ томъ же Архивѣ, отд. X, 661, планъ въ Крымскѣмъ полуостровѣ Ахтырской гавани черт. рис. Алексѣевскаго пехоти. полку поручикъ Петръ Григорьевъ, въ 1783“. Со всѣхъ у меня точное факсимиле, а послѣдней того-же года повтореніе самого составителя.

⁵⁾ Объ этомъ говорится въ „Ост. древн. соор. 199“.

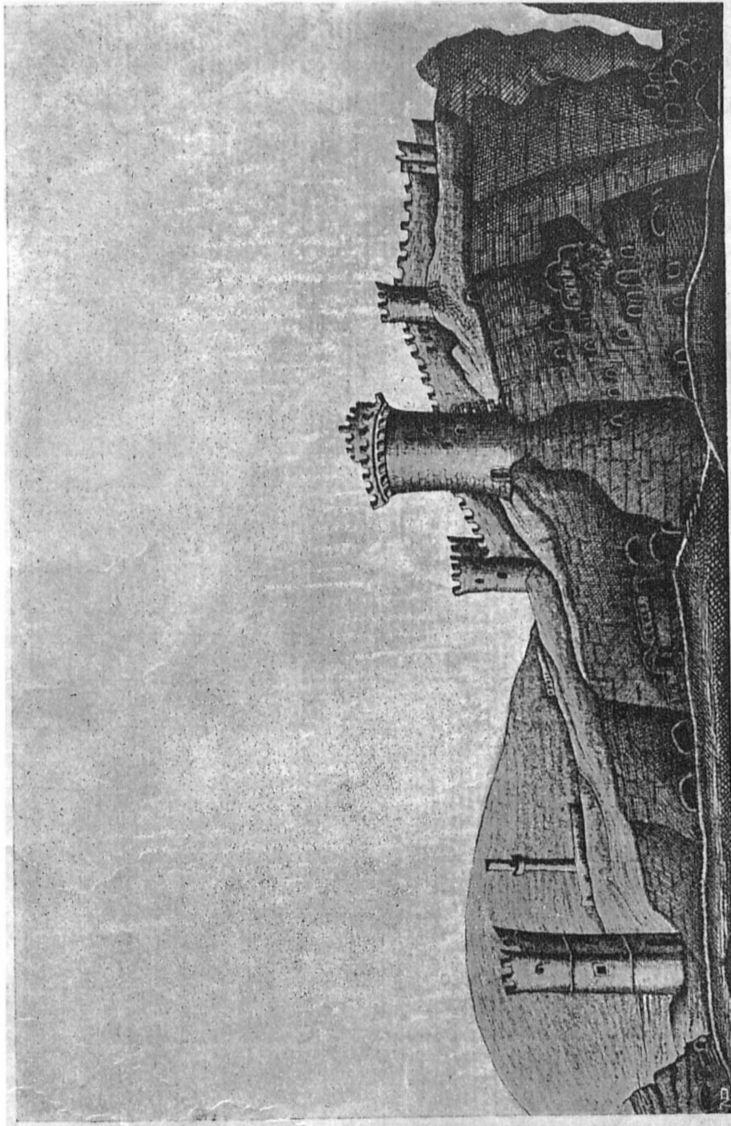

Рис. 1-й.